

заменять традиционные виды на ВИЭ, наоборот, идея заключается в том, чтобы дополнять их на тех территориях, где это будет наиболее востребовано и эффективно.

НОВЫЕ МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ В конце октября премьер-министр РФ Дмитрий Медведев поручил правительству представить новые предложения по поддержке ВИЭ после 2024 года. Эксперты считают, что необходимо в том или ином виде продолжить государственное стимулирование и поддержку только зарождающейся индустрии ВИЭ. «Помимо финансовых субсидий, следует также обратить внимание на гармонизацию строительных и эксплуатационных требований, которые применяются к традиционным электростанциям, но неактуальны для ветровых и солнечных электростанций, которые зачастую эксплуатируются даже без физического присутствия персонала. Участие в новых проектах ВИЭ по-прежнему несет много неопределенностей и рисков, в том числе природных, часть из которых могут взять на себя не только государственные, но и другие институты, например, страховые компании», — говорит господин Смирнов-Небосклонов.

По словам Михаила Лаврухина, сейчас рассматривается один из альтернативных вариантов поддержки ВИЭ, который подразумевает введение некоего рыночного механизма. «В таком случае гарантировать возврат капитала невозможно, он будет осуществляться посредством продажи зеленых сертификатов на рыночных условиях. Прототипом служит система L-сертификатов, действующая в Финляндии и Норвегии. Она подразумевает выдачу сертификатов на каждый МВт·ч (или кВт·ч) произведенной на генерирующих объектах ВИЭ электроэнергии, которые владелец объекта ВИЭ расторгивает на специализированной площадке. Однако в какой-то момент такая система привела к тому, что предложение сильно превзошло спрос и цена на „зеленые“ сертификаты упала практически вдвое. В итоге игроки рынка понесли убытки», — отмечает эксперт.

Директор департамента оценки и консультационных услуг Swiss Appraisal Алексей Сергеев говорит, что государству имеет смысл создать программу по развитию ВИЭ (крупных ветрогенерационных установок либо крупных ферм солнечных батарей) в регионах, где текущая стоимость электроэнергии высока для оплаты населением. «Это изолированные энергосистемы Дальнего Востока, регионы на Северном Кавказе с высокой задолженностью перед энергосистемами (Северная Осетия, Чечня, Ингушетия, Дагестан)», — перечисляет эксперт.

МЕЖДУ ВЕТРОМ И СОЛНЦЕМ На российском рынке альтернативной энергетики нет явного лидера, в основном это проекты крупных компаний, имеющие госучастие, говорит аналитик QBF Денис Иконников. «По итогам 2017 года установленная мощность солнечных электростанций (СЭС) подскочила в 7,1 раза, до 534,2 МВт, а доля данного источника в энергосистеме РФ увеличилась с 0,03 до 0,22%. В основном это произошло благодаря присоединению Крымской энергосистемы, поскольку в 2017 году было введено всего 159 МВт мощности СЭС. Среди крупнейших операторов СЭС на текущий момент выделяется группа компаний „Хе-

АЛЕКСАНДР СМЕРСКИЙ

ДОЛЯ ВЕТРОВЫХ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ В ЭНЕРГОБАЛАНСЕ В ПРОШЛОМ ГОДУ НЕ ИЗМЕНИЛАСЬ И ОСТАЛАСЬ НА УРОВНЕ 0,06%

вел“, которой принадлежат 14 электростанций мощностью 169 МВт», — перечисляет эксперт. По его словам, конкуренция может усилиться в ближайшие годы: к 2020 году ООО «Грин Энерджи Рус» планирует построить 13 СЭС мощностью 215 МВт, а всего с 2018 по 2023 год, по данным Минэнерго РФ, планируется строительство 1,5 ГВт солнечной генерации.

Что касается энергии ветра, то по итогам 2017 года установленная мощность ветряных электростанций (ВЭС) взлетела в 12,3 раза, до 134,4 МВт, однако доля ВЭС осталась относительно низкой на уровне 0,06%. «Рост произошел также за счет присоединения Крымской энергосистемы. В настоящее время на этом рынке нет явного лидера, однако в ближайшие три-четыре года могут появиться явные фавориты. К концу 2022 года АО „ВетроОГК“, которое является структурой „Росатома“, построит парк ВЭС мощностью 900 МВт, а финская „Фортум Энергия“ — парк мощностью 1 ГВт», — говорит Денис Иконников.

ДЕФИЦИТ ТЕХНОЛОГИЙ Михаил Лаврухин напоминает, что изначально в механизмы поддержки ВИЭ был заложен определенный необходимый показатель локализации оборудования и работ, за невыполнение которого инвестор нес существенные финансовые потери в виде штрафных санкций — снижение тарифа на 50 или 60%. При этом России почти отсутствовали производители такого оборудования и опытные интеграторы.

«Изначально локализованное оборудование для солнечных электростанций производила только российская компания „Хевел“. Она первой перевезла в нашу страну производство солнечных панелей. Затем появилась компания „Солар Системс“ — китайский производитель, построивший завод по производству солнечных панелей в России. Для ветряных электростанций ситуация сложилась совершенно иначе. Все производители, с которыми работают „Фортум“, „Энсел Россия“, „Росатом“, — зарубежные (Vestas, Siemens Gamesa, Lagerwey соответствен-

но). С гидроэлектростанциями сложнее. Производство маленьких турбин у нас было, но в 1990-х его закрыли за ненадобностью. Сейчас пытаются восстанавливать. Что касается свалочного и биогаза, то это удел небольших компаний, которые могут произвести специализированную технологию под определенный объект», — высказывается господин Лаврухин.

Руководитель электролаборатории и энергетического аудита группы компаний «Серконс» Сергей Рочев подтверждает, что бизнес опасается заходить на этот рынок, поскольку в России не производят ветрогенераторы и совсем мало производят солнечных батарей. «При этом есть требование к 2019 году достичь 65% локализации производства, в противном случае — штрафные санкции. К регулированию также есть вопросы. По российским нормам стоимость фундамента под ветрогенератор в РФ вдвое выше, чем в Европе, так как эта турбина рассматривается как высотное здание», — указывает господин Рочев. ■